

СЕЛЕСТА
БРЭДЛИ

*Когда она
сказала „да“*

РОМАН

АСТ
МОСКВА

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44
Б89

Серия «Очарование» основана в 1996 году

Celesta Bradley

WHEN SHE SAID I DO

Перевод с английского *Т. А. Перцевой*
Компьютерный дизайн *Г. В. Смирновой*

*В оформлении обложки использована работа,
предоставленная агентством Fort Ross Inc.*

Печатается с разрешения издательства
St. Martin's Press, LLC
и литературного агентства Nova Littera SIA.

Брэдли, Селеста.

Б89   Когда она сказала «да» : роман / Селеста Брэдли ; [пер. с англ. Т. А. Перцевой]. — Москва : АСТ, 2015. — 320 с. — (Очарование).

ISBN 978-5-17-080106-0

Юная Каллиопа Уортингтон словно попала в страшную сказку: укрывшись от непогоды в заброшенном имении, она случайно нашла там жемчужное ожерелье дивной красоты... и была обвинена в краже мрачным хозяином поместья Реном Портером. Теперь Калли стоит перед выбором: либо погубленная репутация, либо замужество.

Вынужденная согласиться на брак, девушка вскоре начинает понимать: на самом деле Портер — умный, обаятельный, смелый мужчина, умеющий страстно и преданно любить...

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Celesta Bradley, 2013
© Издание на русском языке
AST Publishers, 2015

ISBN 978-5-17-080106-0

Глава 1

Котсуолдские холмы, Англия, 1816 год

Ну разве это не прелестно?

В экипаж ворвались струи ледяной речной воды, смели с сиденья мисс Каллиопу Уортингтон и подкинули под потолок, прежде чем бросить к противоположной двери. Охнув от потрясения и холода, она задохнулась, хлебнув пены и грязи.

Река утащила ее туфельку. Калли закрыла глаза и в отчаянии схватилась за висевшую над головой кожаную петлю, болтавшуюся над головой все время путешествия от Лондона до этого темного, залитого водой котсуолдского моста.

Другой рукой она намертво вцепилась в воротник пальто матери, Айрис, обнимавшей мужа Арчибальда. Дочь откинула голову и в отчаянии выкрикнула имя брата:

— Дейд!

Наконец перед ними возник величественный дом из котсуолдского песчаника, словно сиявший в лунном свете. Путники долго колотили в массивную дубовую дверь, но ответа не последовало. Каллиопа повернула ручку и, к своему удивлению, обнаружила дверь незапертой. Брат понес отца через неосвещенную парадную. Мать следовала за ними с единственным оставшимся после крушения моста маленьким саквояжем. Незваные гости решили, что в доме нет ни единой души.

Каллиопа помогла матери снять чехлы с пары диванов. При виде отца, приходящего в сознание и неразборчиво бормочущего что-то себе под нос, дочь облегченно вздохнула.

— Калли, думаю, мне нужно пойти помочь Моргану с лошадьми, — сказал Дейд.

Лошади почтенного возраста запаниковали в дороге, поскольку совершенно не привыкли к таявшему снегу, так и норовившему смести их с моста, умудрились запутаться в порванной упряжи. Морган, кучер, а заодно и верный слуга семейства Уортингтон, предпочел остаться на берегу реки, пока животные не успокоятся.

Калли помогла брату закутаться, хотя у них не осталось ничего сухого, кроме заплесневелых покрывал, найденных в сиденье-подоконнике. Девушка умудрилась превратить мебельный чехол в тогу, в то время как платье повесила у очага просушиться. И только потом зажгла огонь, взяв на каминной доске кремь и огниво.

После ухода Дейда мама уселась на противоположный диван и с тревогой уставилась на мужа. У Калли появилось время обзреть дом, который показался ей очень красивым и даже величественным, хотя и дурно сохранившимся. Да, некоторые люди не ценят того, что имеют.

— Мама...

Но женщина уже дремала, убаюканная теплом огня и тихим храпом мужа. Каллиопа осторожно откинула серебрившийся локон со лба матери и потуже стянула свое парусиновое одеяние. С сушившегося у очага платья все еще капала вода, как и с одежды родителей.

Мама и папа спали, как уставшие дети, повернувшись к камину. Дочь могла составить им компанию, свернувшись на толстом, хотя и пыльном каминном коврикe, но она решила удовлетворить свое любопытство, пройдясь по дому в поисках чего-нибудь полезного.

Взяв с собой свечу, Калли прежде всего нашла кухню под лестницей, в глубине дома. Войдя в кладовую, она удивленно моргнула, увидя обширные запасы мяса и сыра. Под набитыми продуктами полками стояли корзины с морковью, капустой и свеклой — все это долго хранится. Но к чему столько еды в доме, где годами никто не жил?

Может, хозяйева уже в пути?

Вряд ли они отказали бы несчастному семейству в небольшом количестве самой простой еды. И Каллиопа стала раскладывать на тарелки ветчину с сыром. Это для матери и брата, когда тот вернется с Морганом. Девушка успела перекусить до того, как положила в кастрюлю ломоть солонины, овощи и, залив водой, собралась варить суп для отца.

Вернувшись в салон, она поставила кастрюлю у огня. Потом пощупала лоб матери. Спит крепко, и никаких признаков жара. Калли стиснула руку отца, но тот что-то проворчал и отвернулся. Слава Богу, и с ним все в порядке.

Наконец она зажгла свечу в красивом серебряном канделябре и поставила на окне у входа, облегчая Дейду и Моргану возвращение в дом.

Больше дел не осталось. Поэтому она снова завязала тогу поверх все еще влажной сорочки, взяла свечу и, бесшумно ступая босыми ногами, стала изучать первый этаж. Проходя по дому, девушка наслаждалась совершенно новым для нее ощущением одиночества. Семья, в которой Калли росла, была большой и любящей, и хотя иногда это раздражало, но девушка никогда не оставалась одна.

Имея семерых невыносимых братьев и сестер и еще более невыносимых родителей, живущих в уютном, но тесном и убогом лондонском доме, Каллиопа с трудом припоминала, когда в последний раз гуляла в тишине и покое. Наверное, много лет назад.

И теперь она ходит по большим пустым комнатам, ожидавшим ее визита.

Она побывала в просторной столовой с огромным столом, за которым поместилась бы половина палаты лордов, в двух прелестных, но совершенно разных гостиных, в музыкальном салоне с пианино и большим, прикрытым чехлом предметом странной формы, походящим на концертную арфу. Заглянула она и в библиотеку, которая могла бы произвести впечатление, если бы не толстый слой пыли на книгах.

Девушка ошиблась, посчитав этот дом гигантским. Но если постараться и представить чистые красочные ковры на фоне отполированного дерева, особняк покажется весьма уютным.

Вздвогнув, Калли стряхнула со щеки прилипшую паутину и все-таки смело пошла по лестнице в верхнюю галерею. В ее доме мебель знавала лучшие времена. Но благодаря уходу Каллиопы и помощи опытной экономки она выглядела безукоризненно... Если не считать странного пятна в гостиной, где близнецы в свое время пролили нечто отвратительное и пытались уничтожить следы преступления, растворив пролитое в чем-то еще более отвратительном.

Серебристый лунный свет струился в высокие окна просторной и элегантной галереи, превращая помещение в причудливое сочетание теней, слегка разбавленное светом единственной свечи. Каллиопа подошла к окну и выглянула в ночь, превратившуюся из кошмарной бури в залитую лунным светом фантазию. Облака уступили место луне и звездам.

Девушка чувствовала, будто кто-то неведомый управляет ее жизнью. Что, если бы сегодня утром семья проснулась на полчаса раньше или уехала на полчаса позже? Тогда они проехали бы деревянный мост задолго до того, как его повредило наводнением. Либо увидев, что его унесло, благополучно повернули бы назад.

И все же она благодарила Бога за то, что все спаслись, живы и здоровы. Какое счастье, что мама заметила этот дом, стоящий так далеко от дороги!

Калли улыбнулась сама себе и легко побежала по галерее, прикрывая ладошкой пламя свечи. Смеясь, она присела перед очень величественной старой леди, изображенной на портрете, строго взирающей на гостью. Да, некоторые женщины совершенно лишены чувства юмора. Девушка задорно отсалютовала старой ведьме и, отвернувшись, запела, чтобы проверить, как звучит ее голос в тишине:

«О, задорные девицы, собирайтесь на танец...»

Рен Портер, мизантроп и циник, напился еще до начала снежной бури, да так, что практически не заметил ее, если не считать его облегченного вздоха, когда в доме воцарилась тишина и метель окончилась.

Сейчас он развалился в кресле перед камином в своей спальне. Хотя назвать эту комнату спальней — преувеличение.

Дело в том, что, когда в одной комнате становилось невозможно жить из-за обивки, насквозь пропахшей табачным дымом, мусора и пустых бутылок, валяющихся на полу, Рен просто переезжал в соседнюю, одну из целого ряда вдоль бесконечного коридора, где находил чистые простыни и рубашки.

В конце концов, это его чертов дом, не так ли?!

Его дом. Его огонь. Его винный погреб. Все это он получил по наследству в тот момент, когда Рен больше всего в этом нуждался, от престарелого кузена.

Пребывая в необычайно хорошем настроении, благодаря недавнему посещению винного погреба, Рен едва не опрокинул бутылочку в память усопшего кузена, который, несомненно, наблюдал с небес за безжалостным разрушением прекрасного дома. Но тут он вспомнил, что не верит ни в рай, ни в ад, потому что на земле можно найти кое-что похуже ада...

Сделав глоток за унесшуюся бурю, оставившую его в мире и относительном покое, Рен вдруг услышал женский голос...

Он не раз видел кошмары и успел пережить немало галлюцинаций, но никогда в них не вторгался мелодичный переливчатый голос ангела, эхом пронесившийся по пустым коридорам.

Поскольку боль в спине и плече не унималась ни днем ни ночью и никакого удобного кресла в доме не нашлось, Рен без особого сожаления поддался любопытству и вышел из комнаты в поисках неизвестной певицы. Не впервые он гонялся за иллюзией. Однажды целую ночь Портер преследовал фиолетового пса, гулявшего по чердаку, поэтому происходящее теперь ничуть не казалось странным.

В коридоре царил темнота, но из одной открытой двери сиял свет. Ангельский? Может, стоит прокрасться туда? Ангелы не любят чудовищ.

В это время Калли, находясь в богато обставленной спальне, явно предназначенной для хозяйки дома, нашла маленький сундучок с драгоценностями на резном туалетном столике с зеркалом. Она пристроила подсвечник так, что свет отражался в зеркале.

Вдоволь натанцевавшись и вспотев, она развязала парусину, которая упала к ее ногам, и стала с интересом рыться в безделушках. Примерив ожерелья из рубинов, изумрудов и жемчуга, Каллиопа смотрелась в зеркало. Отражение казалось совершенно непристойным. Девушка ухмыльнулась — эти драгоценности явно не подходят к ее сорочке.

Легкий шум за спиной заставил ее прервать песню. Что там?

Она нахмурилась. Должно быть, свеча затрещала, но Калли была уверена, что видела мелькнувшую за ее спиной тень. Какие глупости! Дом пустой, если не считать спавших внизу родителей. Может, это сквозняк пошевелил штору на окне, и она уголком глаза уловила движение?

Пристально глядя в зеркало, она наблюдала за комнатой и от напряжения не могла обернуться. Ей казалось, что безопаснее оставаться здесь, на месте, перед туалетным столиком, где свеча отражается в зеркале и дает иллюзию двух огоньков.

Но тут она увидела, как из темного угла комнаты на нее что-то надвигается.

Девушка вздрогнула:

— Дейд, не смей дурачиться! — хотела воскликнуть она, но голос сорвался. Потому что Калли поняла — это не брат.

«Повернись! Повернись и беги, вопя во всю глотку!!!»

Она попыталась бежать, быстро шагнув вправо и готовясь развернуться, чтобы помчаться к двери, но наткнулась на что-то твердое, отбросившее ее. Потом шагнула влево, но уперлась в край туалетного столика.

Горло перехватило от ужаса, когда за спиной замаячила ледяная тьма. Неужели это призрак, оставшийся в доме, бродящий в скорби и гневе?

Но наткнувшись на грудь мужчины и отпрянув в сторону, Калли отбросила все мысли о призраке. Если верить легендам, от призрака должен исходить холод. Но его грудь была теплой.

— Я... не... пожалуйста...

— Вы здесь, так что пожалуйста...

Из темноты показались руки, сжавшие ее плечи. Руки были большие и тяжелые, они обжигали ее голую кожу под узкими бретельками сорочки. Их тяжесть пригвоздила Калли к полу,

как игла — бабочку. Он держал гостью крепко, наблюдая, как ее лицо искажается от ужаса.

— Я нарекаю тебя воровкой, милый ангел.

Калли содрогнулась от звуков низкого голоса.

— Или ты дух, посланный терзать меня тем, что я никогда не получу? Воровство — преступление. А за преступление полагается наказание, не так ли?

Руки скользнули вверх к ее шее и легли на горло.

«Значит, я умру...»

Рубиновое ожерелье расстегнулось, скользнуло вниз, но Рен поймал его и взвесил на ладони.

— Слишком теплая кожа для духа.

Голос за спиной был хриплым и грубым, хотя говорил незнакомец, как человек образованный. Язык у него немного заплетался.

— Достаточно теплая, чтобы согреть камни, пока они сверкали на вашей шее.

Калли снова задрожала, когда он снял ожерелье и уложил в открытый сундучок. Она попыталась уклониться, но Рен мягко вернул ее на прежнее место. Его прикосновения были жаркими и ледяными одновременно.

За рубинами последовали сапфиры. На этот раз руки держали центральный камень, так что расстегнутые концы скользнули под ее сорочку. Когда нагретое серебро повисло на ее сосках, она поняла, насколько они тугие и просвечивают сквозь тонкий батист. Ее шею овеяло теплое дыхание, и она поняла, что он заметил это. Когда незнакомец вытянул ожерелье, чтобы вернуть в сундучок, девушка попыталась сложить руки на груди.

— Нет.

Тяжелые руки без усилий скользнули до ее локтей и нежно забрали ее ладони от упругих холмиков, отчего Калли невольно выгнула спину. Грудь непристойно натягивали сорочку. Соски походили на твердые как алмаз драгоценные камни, ясно видимые сквозь выношенную ткань.

— Так-то лучше. Это мой прелестный дух, и я хочу наслаждаться каждым моментом.

Опустив руки, Калли смогла немного расслабиться, но больше не смела закрывать грудь.

Горячие и загрубевшие пальцы нежно вынули из ушей серьги. Мужчина снимал только то, что явно принадлежало ему и что она имела дерзость примерить, и все же с каждым снятым предметом она чувствовала себя все более оголенной.

— Простите, — начала она. — Мне не следовало... но если бы вы только позволили мне объяснить...

Но тут его большая ладонь зажала ей рот. Поначалу девушка в страхе застыла, но потом стала отчаянно вырываться. Всего один легкий шаг незнакомца, и он притиснул ее к туалетному столику, лишив возможности двигаться. Всем своим телом он прижался к ее спине. Каллиопу бросило в жар от осознания жуткого факта: теперь она полностью в его власти.

В отражении Калли видела собственные глаза, широко раскрытые от потрясения, но, переведя взгляд, она пыталась разглядеть лицо незнакомца.

Рен по-прежнему стоял во тьме, потому что свет загораживала Калли своим телом. Она видела только небольшую часть его лица. Темные длинные волосы в беспорядке падали на небритую щеку, прикрывая даже то немногое, что ей удалось узреть. Увидя в зеркале его глаз, Каллиопя поняла, насколько этот человек сейчас напряжен и... безумен!

Красив и опасен. Она никогда не думала, что демоны могут быть столь прекрасны.

Пойманная в сеть его жаркого взгляда, она не двигалась, не пыталась вскрикнуть, поскольку рот все еще был зажат. Но вскоре рука снова скользнула на горло. Калли ощущала, как эта рука обжигает ее плоть.

Другая рука сняла с ее запястья бриллиантовый браслет. Когда незнакомец потянулся, чтобы положить украшение в сундучок, его мускулистая рука коснулась ее затвердевших сосков. Калли невольно охнула. Никогда мужчина не дотрагивался до нее подобным образом.

«И никогда не дотронется. Твое время вышло. Ты старая дева, помнишь? И впереди унылая, одинокая жизнь...»

Рен застыл. Он по-прежнему прикасался к ее груди. Медленно опуская руку, он намеренно скользил по ее телу. Белый рукав рубашки слегка зацепился за тонкую сорочку, так придавив батист к соскам, что они заньли.

Калли вскрикнула. В ее голосе были и страх, и шок, и изумление, и... трепещущее пробуждение.

«Никогда, никогда...»

Она снова задрожала, хотя следовало бы стоять спокойно. Он уронил руку, и Калли зажмурилась.

«Он всего лишь забрал свои драгоценности и не хочет ничего дурного».

— Призрак девственницы? Не мой обычный бред, но я не склонен возражать.

Тон был очень тихим, странным, словно ее здесь вообще не было.

— Значит, обольщение. Заставить ее хотеть меня? Невозможно. Еще хуже проклятого пса...

Калли зажмурилась еще крепче. Неужели незнакомец вообразил, что она жаждет обольщения? А что еще может подумать мужчина, найдя в комнате своего дома полуголую девушку в мокрой сорочке?

Ужас снова сковал ее, перехватил горло, в котором застрял крик.

Одна бретелька сорочки стала падать вниз, вниз...

От изумления гостя напряженно вздрогнула.

— Ш-ш-ш-ш, — прошептал он ей в ухо. — Тебе нечего бояться, сладостный дух. Ты слишком прелестен, чтобы закрывать свое тело.

Какая-то часть сознания Калли металась в панике и отчаянии. Другая часть поражалась человеку, который был полон решимости быть мягким с женщиной, оказавшейся в его власти.

Его рука мягко обвила ее плечи, и другая бретелька медленно сползла до локтя. Рывок — и влажная, льнувшая к телу ткань собралась на талии.

Калли поежилась от холода, который весь собрался в ее затвердевших сосках.

Она услышала глубокий вздох Рена.

— Открой глаза.

Девушка поколебалась, но выполнила приказ, отданный все тем же хриплым голосом. Отражение в зеркале было... совершенно непристойным. Оголенные плечи и торс цвета сло-

новой кости на фоне темной комнаты... Скомканная сорочка, сковавшая руки, придавала Калли еще более бесстыдный вид.

Она посмотрела на себя, в отражение своих глаз, широко раскрытых и потрясенных, поверх большой руки, закрывавшей ее рот.

«Неужели это я?»

— И все же у вас есть что-то, принадлежащее мне, — прошептал незнакомец.

На ней все еще была длинная нить совершенных жемчужин, опустившаяся ниже ложбинки на груди и сияющая неземным светом в золотистом свете свечи.

Она попыталась снять жемчуг, но он поймал ее руки и стиснул в большой ладони. А потом прижал их к ложбинке.

— Можешь сохранить их, если пожелаешь, восхитительный дух!

Слова будто были вырваны из горла. Будто он не привык уговаривать.

— Но за это — маленькая просьба. По-моему, я прошу не слишком много. Мог бы и больше... по одной за каждую жемчужину?

Теплые пальцы погладили нить, слегка касаясь кожи.

— Жемчужин так много... я мог удерживать вас год или больше за такой клад! Не согласитесь ли дарить мне по одной ночи за каждую жемчужину? Исполните желание умирающего. А потом я с радостью отпущу вас. Если только вы принесете тепло в мои холодные вечера и еще более холодные рассветы...

В голосе звучала такая тоска, что страх Калли стал улетучиваться. Она поняла: он не знает, что говорит, находясь в плену своих пропитанных бренди фантазий. Девушка решила объясниться, убедить его, что реальна и к тому же из хорошей семьи и оказалась здесь в поисках убежища от бури.

Но тут его руки сомкнулись на ее груди. Горячие губы прижались к шее, а ее протестующий возглас затерялся в сладостном вздохе незнакомца, когда тот снова привлек ее к себе.

Внезапно в этот диалог вторглась третья сила, отбросившая Рена и Калли так, что девушка ударилась о туалетный столик. Поскольку ее руки были скованы, она не смогла сохранить равновесие и, пошатнувшись, упала. Жемчужная нить зацепилась за угол мраморной столешницы и разорвалась, напол-

нив комнату бьющимися об пол радужно переливающимися шариками.

Калли встала на четвереньки, лихорадочно поправляя сорочку. В это время двое мужчин сцепились в схватке.

— Дейд!

Поспешно вскочив, Каллиопа схватила свечу и подняла повыше. Две головы: одна темная, одна светлая. Это Дейд! Его волосы — чистое золото!

Калли поискала что-нибудь потяжелее, готовая вступить в схватку и помочь брату. Но тут свет упал на лицо незнакомца, и она впервые увидела то, что было скрыто от нее. Жестоко изуродованное, все в шрамах... его лицо.

Она испуганно вскрикнула, уронив свечу. В комнате воцарился мрак.

Глава 2

Возможно, самое раздражающее в дуэлях — это ранний час.

Калли зевнула, прикрываясь перчаткой. Неужели эти мужчины не могут убивать друг друга среди бела дня? Скажем, после сытного обеда или послеобеденного сна.

Девушка была втайне убеждена в том, что множество мировых проблем можно разрешить, если спорящие стороны начнут совещаться только после дневного сна. Она снова зевнула и недовольно уставилась на брата. Гнев — гораздо более безопасная эмоция, чем состояние безумия, в котором находились она и Рен прошлой ночью.

Кроме того, ей легче было злиться на Дейда, чем на зловещего мистера Портера. Но брат не собирался отвечать ей злобным взглядом или разоблачать ее.

А ведь лучше всего — это забыть о вчерашнем! Она не пострадала и никого не покалечила. Позволив себе стать той, кем она определенно не была, Каллиопа совершила весьма странную ошибку. Но оправдание было достойным — оба запутались в своих фантазиях.

Она очень устала после бессонной ночи, замерзла и хотела домой. Хорошо бы Дейд и мистер Портер бросили свои глупо-

сти или по крайней мере побыстрее прекратили свои дурацкие мужские выходы!

«Ну же, взмахните пистолетами и объявите себя отомщенными или раскаявшимися, или что там еще говорят в таких случаях, и пойдем домой».

Но Каллиопа не понимала одного — происходящее не было дурацкими мужскими выходами, все выглядело очень даже серьезно. Дейд холодно-официальный в своем синем пальто, с бледным, осунувшимся и решительным лицом. Мистер Портер в плаще с капюшоном, скрывавшим его устрашающую физиономию, выглядел не менее решительным и точно так же уверенно сжимал пистолет. Они стояли спина к спине: крепкий светловолосый молодой джентльмен и прихрамывающий брюнет.

Предчувствуя что-то плохое, Калли ощутила холод в животе. Происходящее казалось ей неправильным. Кому-то следует их остановить.

Она взглянула на родителей, но те молча стояли рука об руку, встревоженные и беспомощные.

Арчи хмуро глянул в сторону мистера Портера:

— Этого человека действительно следует наказать. Он так же уродлив манерами, как и лицом.

Мать, Айрис, наклонилась к Калли:

— Калибан. Настоящий Калибан. «Буря», акт пятый, сцена первая.

Калли проигнорировала родителей. Если их поощрять, это может продолжаться часами.

Она громко сглотнула:

— Дейд...

Но резкий взмах рукой оборвал ее. Морган, секундант Дейда, стал отсчитывать шаги.

— Один... два... три...

Мужчины стали расходиться. Дейд — твердой походкой, мистер Портер — ковыляющей.

— Десять.

Когда расстояние достигло двадцати шагов, мужчины повернулись и одновременно подняли пистолеты. Мистер Портер выстрелил сразу. Грохот распугал птиц, разом слетевших с деревьев. Сердце Калли стало биться чаще.

Пуля ударила в траву у ног Дейда, послав фонтан земли и корней, запачкавших сапоги дуэлянта. Он невольно вздрогнул. Глянул вниз, перевел взгляд на мистера Портера и сжал губы:

— Не думайте, что это вас спасет.

Рен опустил дымящийся пистолет и швырнул его в траву.

— В таком случае стреляйте.

Дейд поднял оружие и прицелился.

Калли стало дурно. «О, почему никто ничего не сделает?»

Мистер Портер зашагал вперед, неуклюже раскачиваясь, но в каждом его шаге ощущалась решимость.

— Давайте. Палите. Не считаете, что я заслуживаю смерти? Разве не поэтому вы бросили мне вызов?

Он подходил ближе и ближе. Теперь Дейд не мог промахнуться, разве только намеренно. Взглянув на брата, Калли поняла, что промахиваться он не собирается.

Мистер Портер, очевидно, тоже не намеревался останавливаться. Мужчина медленно продолжал шагать навстречу пуле, которая вот-вот вылетит из пистолета Дейда.

«Что он делает? Сошел с ума? Неужели не видит, что Дейд выстрелит?»

Рен остановился, только когда его грудь оказалась не более чем в восемнадцати дюймах от пистолета Дейда.

— Я жду, — прохрипел дуэлянт. — Стреляйте. Кладите палец на курок, и дело с концом.

На щеке Дейда дернулась жилка.

— Думаете переиграть меня?

— Я не играю ни в какие игры. У вас ко мне претензии. У меня к вам — никаких. Вершите месть, и поскорее. Чего ждете?

«Чего ждете?»

Калли вспомнила вчерашнюю ночь. Странные речи мистера Портера... словно он готовился к скорой кончине. Неужели этот человек так хочет умереть? И все же его руки, прикосновения, слова, мрачные и тоскливые, взволновали ее своим голодом и потребностью в человеческом общении. Да, он хотел жить, она точно это знала.

«Возможно, просто не знает, как...»

«Дурак!»